

СОЛЬНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ С НЕЦЕЗУРИРОВАННЫМИ НАПЕВАМИ В ТРАДИЦИИ ЛЮБЫТИНСКОГО РАЙОНА НОВГОРОД- СКОЙ ОБЛАСТИ

ИНГА
КОРОЛЬКОВА

В коллекции Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова (ФЭЦ СПбГК) содержится большой фонд записей причитаний из Любытинского района Новгородской области (см. карту). Они сделаны во время масштабных восточно-новгородских экспедиций 1988–1989 годов, осуществленных под руководством А. М. Мехнецова студентами и сотрудниками Ленинградской (Санкт-Петербургской) государственной консерватории и Вологодского педагогического института. Записи были произведены в 19 населенных пунктах от 50 исполнителей.

В целом любытинская коллекция включает около 70 образцов местной причети. К этому довольно представительному объему следует добавить несколько причитаний (6 образцов из 5 населенных пунктов), содержащихся

в фонде Новгородского областного Дома народного творчества (НОДНТ), которые были записаны экспедициями 1981–1983 годов и предоставлены автору статьи для исследования.

Как известно, несколько образцов восточно-новгородских причитаний в записях А. А. Банина и экспедиций ИРЛИ вошли в публикации 1970–1980-х годов и вызвали большой научный интерес [1; 2; 8]. Этот материал был включен Б. Б. Ефименковой в статью, посвященную осмыслению русских цезурированных причетных напевов [4].

Собственно любытинские причитания в новгородских публикациях не представлены. Однако, как можно судить по опубликованным источникам, они органично входят в систему восточно-новгородских традиций и соотносятся с более северными (тихвинскими, бокситогорскими, ладожскими) и северо-западными (верхнелужскими) традициями.

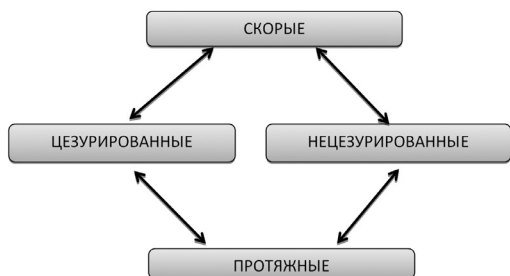

Схема 1

Скорая и протяжная версии отличаются друг от друга темповыми характеристиками. Так, в напевах, представляющих скорую версию, показатели метронома варьируются от 175 до 240, в протяжных образцах — от 76 до 120, что при нотировке повлекло за собой необходимость выбора различных длительностей при обозначении основной счетной единицы. Кроме того, скорые версии напевов практически не содержат слогораспевов, в то время как образцы протяжного типа включают их довольно часто.

Нецезурированные образцы характеризуются опорой на 9–10-сложный стих. Их особенностью является отсутствие цезуры на протяжении всего причета. Такие образцы, записанные в 11 деревнях от 19 исполнительниц, составляют значительную часть (около 30%) имеющегося материала, что позволяет рассматривать их не как случайное, а как закономерное явление местной причетной культуры. Слогоритмика нецезурированных при-

самими исполнителями. Они могут использовать термины «протягивать», причитывать «протяжно». Другим вариантом обозначения оппозиции протяжный / скорый может служить пара терминов песенный / декламационный.

читаний может быть сведена к трем основным моделям (см. схему 2). Первая из приведенных структур доминирует, вторая и третья представлены отдельными записями.

Оценка статуса нецезурированных напевов в местной традиции может быть осуществлена с учетом нескольких аспектов (см. схему 3). Необходимо установить, существуют ли взаимосвязи структуры с основными разновидностями причитаний — свадебными, похоронно-поминальными, полевыми. Далее, рассмотрение ритмических моделей причитаний в их территориальном распространении дает возможность определить характер локализации основных типовых структур и их версий. Следующий аспект связан с оценкой роли причитальщицы в воспроизведении фольклорной традиции, что позволяет выявить исполнительские версии типовой структуры. Наконец, чрезвычайно важен контекст записи причитания, определяющий конкретные условия реализации структуры и отражающий систему отношений исполнитель — собиратель².

2

По поводу последнего пункта заметим, что имеющиеся в нашем распоряжении записи были сделаны по просьбе собирателя и не раскрывают все потенциальные возможности типовой структуры. Тем не менее хотелось бы обратить внимание на то, что образцы, выполненные в тех условиях, когда обрядовая ситуация только лишь моделируется в сознании исполнителя, отличаются значительной устойчивостью формообразующих признаков. Это позволяет рассматривать материал такого рода как убедительный источник для выводов, касающихся прежде всего структурно-типологического аспекта. Думается, что именно в такой форме-ядре отражаются сущностные характеристики жанра как такового: в процессе воссоздания напева исполнитель передает его суть — то, без чего причет не мог бы состояться. С этой точки зрения записи плачей, сделанные по просьбе собирателя, очень ценны. Кроме

Схема 2

В результате рассмотрения причетных напевов в данных ракурсах выяснилось, что функционирование скорой и протяжной версий нецезурированных образцов существенно различается.

Нецезурированный скорый напев можно считать базовой структурной моделью местной причеты. Эта модель тесно связана с просодией стиха и представляет собой начальный этап его озвучивания. Выбор данной версии осуществляется причитальщицей в различных ситуациях. Первую характеризуют записи, сделанные не от мастериц-причитальщиц, а от женщин, которые не помнят или вовсе не знают причетных текстов и могут сложить лишь несколько строк. В ответ на просьбу собирателя они воспроизводят краткую формулу причетного голоса, отложившуюся в их памяти и представляющую собой своего рода причет-«воспоминание».

Другая ситуация функционирования скорого нецезурированного напева позволяет представить его как наиболее

того, следует учитывать неоднократно отмечаемое фольклористами-собираателями умение хорошей плачеи эмоционально включиться в моделируемую ситуацию и продемонстрировать причет, приближающийся к той форме его воплощения, которая характеризует реальную ситуацию оплакивания.

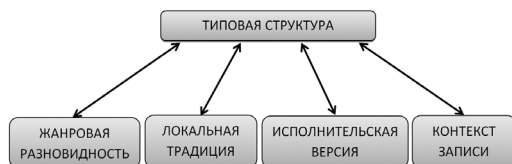

Схема 3

простую версию, требующую меньших физиологических и эмоциональных усилий. Сознательный выбор такой версии как наименее затратной для исполнителя совершается в определенном контексте — в состоянии усталости, при нежелании погружаться в переживания и тягостные воспоминания.

Причеты, воспроизведенные при рассмотренных выше обстоятельствах, воспринимаются на слух как полноценные плачи. Однако их исполнение часто не в полной мере отражает тембровые и тесситурные особенности местной плачевой традиции и жанра в целом, характеризуется быстрым темпом, речитативной манерой произнесения текста, предельной лаконичностью.

Наибольший интерес для исследователя представляют те случаи, когда в причетах одной плачеи типовая структура воспроизводится и с цезурой, и без нее. Как правило, нецезурированный образец — это либо первое исполнение причитания во время записи, либо последний причет после большого, продолжительного сеанса, когда исполнительница устала и сознательно сокращает напев. Такие примеры мы находим среди записей, сделанных от Евдокии Александровны Алексеевой (1910 г. р.), жительницы деревни Высочка. Так, первый вариант причета, записанного

1. Новгородская обл., Любытинский р-н, Хиров-
ский с/с, д. Высочка. Исп. Алексеева Евдокия
Алексеевна, 1910 г. р. Зап. Мехнецов А. М., Полу-
чистова (Федотовская) О. А., 22.09.1988. Архив ФЭЦ
СПбГК, ОАФ № 2597-44. Нот. Корольковой И. В.

♩ = 200

На - кла - да - ю я ру - ку на ско - бу,
От - кры - ва - ю я две - ри на пя - ту.
На пет - лях - то ведь дверь ка - ти - ла - се,
На крюч - ках - то о - на ос - та - но - ви - ла - се,
На крюч - ках - то да на мед - ны - их.

от нее А. М. Мехнецовым в самом начале их встречи, представляет собой скорую бесцезурную версию, в которой довольно свободно варьируется количественно-слоговой состав стиховой строки (см. пример 1). Спустя несколько дней, во время повторного сеанса записи, Евдокия Александровна воспроизвела тот же самый текст свадебного плача совершенно по-иному — с другой композицией и в более высокой тесситуре (см. пример 2).

Среди представленных в коллекции образцов встретились и те, в которых строки с различной организацией чередуются, что наглядно показывает процесс становления причетной формы. Часто исполнение начинается именно

с бесцезурного варианта, а затем, когда плачя входит в соответствующее эмоциональное состояние, цезура появляется и постепенно закрепляется.

Третья ситуация бытования скорого нецезурированного напева может быть связана с индивидуальным выбором конкретной причитальщицы. В данном случае структурная модель является для нее единственным возможным способом реализации плача. Заметим, что записи, о которых идет речь, были выполнены от женщин, хорошо знающих тексты причетов и убеждающих своей манерой исполнения, но тем не менее причитающих на напев именно в этой версии (см. пример 3). Размышляя о причинах подобного выбора,

Инга Королькова

СОЛЬНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ С НЕЦЕЗУРИРОВАННЫМИ НАПЕВАМИ

2. Новгородская обл., Любытинский р-н, Хировский с/с, д. Высочка. Исп. Алексеева Евдокия Алексеевна, 1910 г. р. Зап. Мехнецов А. М., Полу-чистова (Федотовская) О. А., 26.09.1988. Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ № 2639-13. Нот. Корольковой И. В.

$\text{♩} = 152$

И я на ло - жу... у я ру - ку на ско - бу,
И я от - кры - ва - ю... у я две - ри на пя - ту.
И да на пит - лях - то... о да дверь ка - ти - ла - се,
И да на крюч - кях - то ос - та - но - ви - ла - се.

3. Новгородская обл., Любытинский р-н, д. Средние Светицы. Исп. Васильева Пелагея Федоровна, г. р. не установлен. Зап. в 1981 г., автор записи не указан. Архив НОДНТ, № 051-38. Нот. Корольковой И. В.

$\text{♩} = 224$

От - ста - вай - ко, цвет - но платье - и - [це],
Што от ла - воч - ки ду - бо - винь - кёй,
От по - ду - шеч - ки пу - хо - винь - кёй.
Уж я ста - ну, си - ро - ти - ноч - ка,
На баш - мач - ки на коз - ло - винь - ки,
На сво - и на ско - ры но - жень - ки.

можно предположить, что такая форма являлась для причитальщиц наиболее удобной в исполнительском плане. Другое объяснение может быть связано с особенностями восприятия и освоения причетной традиции той или иной исполнительницей — с закреплением в памяти напева одной из ярких местных причитальщиц или следованием канону семейной традиции и сохранением напева матери либо близкой родственницы.

Если в одном населенном пункте записи со скорыми бесцезурными напевами плачей получены более чем от одного исполнителя, а цезурированных образцов не зафиксировано вовсе, есть соблазн расценить такую версию как микролокальную. Однако предположение о территориальной закреплённости скорых напевов без цезуры не подтвердилось. При нанесении их на карту оказалось, что в масштабе всего района они не имеют компактной локализации, а встречаются точноно в разных его частях.

Отметим важную закономерность: в жанровом отношении наблюдается тенденция к закреплению такого причета-зерна за свадебными причитаниями, в то время как среди напевов поминальных и полевых причетов доминируют цезурированные. Не исключено, что на этот факт повлияла степень эмоционального восприятия исполнителями самих обрядовых ситуаций, воспоминания о которых обусловили выбор тех или иных вариантов напевов. Так, возможность более ярко воссоздать ситуацию причитывания на похоронах и поминках, в лесу или в поле связана с тем, что такие голошения еще сохраняли

свою актуальность и были привычной жизненной практикой женщин того поколения. При этом от последнего исполнения или слышания свадебного плача их уже отделяла существенная временная дистанция.

Нецезурированные напевы в протяжной исполнительской версии демонстрируют совсем иную картину. Это также преимущественно свадебные причитания, часть которых была записана в центральной зоне района, а остальные локализованы на севере, на пограничье с Киришским и Тихвинским районами Ленинградской области (исток реки Сяси, Дрегельский и Запольский с/с). Среди этих образцов особого внимания заслуживают причеты из 6 деревень, исполнение которых сопровождалось рассказами-воспоминаниями о групповых причитаниях девушек перед баней и во время вечерины у невесты накануне свадьбы. В зафиксированных поэтических текстах комментируются различные ситуации и действия подруг невесты.

Подруги входят в дом невесты:

Да ни пугайтесь-кѣ, сени новыи,
Да сени новыи, клиновыи,
Да пириклядѣнки да дубовыи,
Да ни кораб-то идѣ, ни бѣрочка,
Да идѣ баѣнна топлѣльщица,
Да ключевой-то воды носѣльщица.

(д. Порог, Дрегельский с/с, 2704-11)

Подруги входят в горницу:

Да наложу-то я руку на скопу,
Да отворю-то я двери на пята.
Да по поробью-ту дверь катиласе,
Да на питѣлички становиласи.

(д. Порог, Дрегельский с/с, 2704-12)

Наложу я руку правую,
По порожку дверь катиласе,
На пятый остановиласе,
Занёсу я ногу правую,
Помолюсь я самому Христу,
Самому Христу небёсному.
(д. Заозерье, Запольский с/с, 2706-06)

Подруги приглашают невесту в баню:
Да мы вошли-то да в нову горёнку.
Да доброжаловать милу подруженьку,
Да што во парную-ту баёнку,
Да што во парную, не в угарную.
(д. Порог, Дрегельский с/с, 2704-12)

Да ты пойдём-ко наша голу[бушка],
Да ты во парную ту ба[ёнку].
Мосты калиновы намó[щёны],
Да пирекладинки малин[овы].
(д. Заозерье, Запольский с/с, 2706-06)

Ты пойдём-ко, мила подруженька,
Што во нашу-ту парну ба[ёнку],
У нас баёнка-та сто́плёна,
Ключёвой-то воды насёчено.
(д. Обречиха, Дрегельский с/с, 2726-04)

Ты пойдём, мила подруженька,
Што во парную-то баёнку...
Ты посмóй да свою красну красóту,
Да свою-то вольню волюшку.
(д. Дрегли, Дрегельский с/с, 2703-11)

Подруги подводят невесту к матери:
Ты пойдём, мила подруженька,
Ко своей да родной матушке,
Как благослови-ка, да родна матушка,
Што нашу милинькою подруженьку,
Што во парную-ту баёнку.
(д. Порог, Дрегельский с/с, 2704-03)

Подруги готовят баню:
Да мы носили да ключеву воду

Да с трех со разных со речинёк.
Да мы пришли-то на перву речиньку,
Да налетели да гуси серьи,
Дат посмутíли да воду светлую.
Да уж мы той-то воды не черпали,
Да мы пошли-то на другу речиньку.
Да мы пришли-то на другу речиньку,
Да там стоит-то да чужой чужанин.
Да уж мы той-то воды не черпали,
Да мы пошли-то на третью речиньку,
Да мы пришли-то на третью речиньку,
Да там стоит-то да красна красóта,
Да умывáет-то лицо бёлоё,
Да с лица белова слизиночку,
Да с ретивá-то сердца кручинушку.
Да уж мы той-то воды начерпали.
Понесли мы в парну баёнку.
Мы топили да парну баёнку
Трём-то ранним полешичкам,
Ищё первым берёзовым,
Вторым вересовым,
Ищё третьим да кленовым.
Мы топили да парну баёнку
Ищё парную, неугарную.
(д. Порог, Дрегельский с/с, 2704-11)

Мимо твоей парной баенки
Пробежала быстра реченька,
А по этой быстрой реченьке
Проходило три корабличка.
Что во первом-то корабличке
Что везли да сладки прянички,
Во втором-то корабличке
Что везли да зеленó вино,
А во третьем-то корабличке
Там сидел да чужой чужанин,
Выкупал да парну баенку,
Нас поил да зеленým вином,
А кормил да сладким пряничком.
Мы не пили зеленá вина,
Мы не ели сладких пряничков,
Не пропивали милу подруженьку.
(д. Григино, Тихвинский р-н) [6, с. 125]

Подруги ведут невесту в баню по улице:

Да походи-ко, мила подруженька,
Да по широкой-то гладкой улочки,
Да по широкой-та по роскátистой,
Да по роскátистой, по прогúлистой.

(д. Порог, Дрегельский с/с, 2704-03)

Подруги дают наказы невесте:

Да ты войдёшь-то,

мила подруж[енька],

Да ты во пáрную ту бá[ёнку],

Да ты на пёрвоё око[шечко]

Ты положь-ко ты восковы [цветы],

На второ́ё-то око[шечко]

Да ты свою-то да красну крá[соту].

А на трéтьё-то око[шечко]

Да ты положь-ко-то вольню во[люшку].

Да ты умойсе, моя голу[бушка],

Што со головушки зоботушку,

Да с ретивá-то сердца кручи[нушку],

Да со белá-то лица горючй [слёзы].

(д. Заозерье, Запольский с/с, 2706-06)

Да мы затем долго замешкали,

Что мы рубили парну баенку,

Да просекали три окошечка.

[На первое окошечко]

Тебе класть да платье цвётное,

На второе-то окошечко

Тебе класть да мыло белое,

А на третье-то окошечко

Тебе класть да красну крáсоту.

(д. Григино, Тихвинский р-н) [6, с. 125]

Подруги призывают невесту

отдать крáсоту:

Ты возьми, мила подруженька,

Свою красную-ту крáсоту,

Да снеси-ка во ракивов куст.

Уж как шли-прошли прохóжии,

Нашли да красну крáсоту.

Ишшо тут красы не мesticко.

Ты возьми, мила подруженька,

Свою красную-ту крáсоту,

Передай милой подруженьке.

(д. Порог, Дрегельский с/с, 2704-08)

Сами музыкальные записи, в которых воспроизводятся эти тексты, имеют разное качество. Большинство их исполнено сольно, и лишь одна представлена ансамблевой версией — в записи участвуют две женщины, жительницы деревни Порог. Эта запись выделяется среди других очень важным обстоятельством. Исполнители подчеркивают разницу звучания причета невесты и девушек, предлагая две различные формы напева — соответственно, скорую цезурированную (см. пример 4) и протяжную без цезуры (см. пример 5).

Примечательно, что напев невесты и причитание девушек различаются не только на композиционном и темпоритмическом уровнях, но и по ладомелодическому строению. Напев девушек характеризуется сквозным развитием, в процессе которого происходит сопоставление двух ладовых опор, скоординированных с акцентами стиха. Напев невесты более прост, он формируется из двух кратких и близких друг другу мелодических звеньев, разбитых цезурой (см. схему 4).

Схема 4

Напев девушек

Напев невесты

4. Новгородская обл., Любытинский р-н, Дрегольский с/с, д. Порог. Исп. Иванова Вера Федоровна, 1908 г. р. Зап. Третьякова [Филатова] А. А., 15.01.1989. Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ № 2704-06. Нот. Корольковой И. В.

$\text{♩} = 170$

О как ся - ду - ту я... о как си - ро - ти - ноч - ка,
 Што под ко - сис - то - ё да я о - ко - шеч - ко,
 Да под хрус - таль - но - ё да я сте - ко - лыш - ко.

5. Новгородская обл., Любытинский р-н, Дрегольский с/с, д. Порог. Исп. Иванова Вера Федоровна, 1908 г. р., Иванова Серафима Михайловна, 1907 г. р. Зап. Третьякова [Филатова] А. А., 15.01.1989. Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ № 2704-11. Нот. Корольковой И. В.

$\text{♩} = 88$

Да ни пу - гай - тесь - кё, се - ни но - вы - и,
 Да се - ни но - вы - и, кли - но - вы - и,
 Да пи - ри - кла - дё - н(ы) - ки да ду бо - вы - и.

Оценивая достоверность напева, на который распеваются тексты групповых причитаний, стоит задуматься над вопросом: та ли эта форма, которая некогда бытовала в новгородских причетных традициях и которую тщетно пытались найти собиратели? По своим структурным и стилистическим свойствам напев из деревни Порог существенно отличается от известных нам вариантов

новгородских групповых причитаний, зафиксированных западнее озера Ильмень³. Однако не исключено, что искомый напев и был именно таким — строгим, лаконичным, лишь нена-

3

Образцы напевов групповых причитаний западных районов Новгородской области были приведены и описаны в работе автора статьи [см.: 5]. Их отличает опора на трехакцентный тонический стих, особенности формообразования, связанные с появлением цезур и повторов композиционных элементов, развитая мелодика.

6. Ленинградская обл., Капшинский (Тихвинский)
р-н, д. Григино [6, с. 123]

много отстоящим от сольной версии, но тем не менее структурно противопоставленным ей. Поиск вариантов групповых причитаний, близких по структуре к любытинскому, поможет подтвердить или опровергнуть данное предположение. На данном этапе приведем результаты некоторых предварительных наблюдений.

Одно из перспективных направлений сравнительного исследования может быть связано с причетными традициями новгородско-вологодского пограничья. Вариант группового причитания, сходный с любытинским образцом в слогоритмическом отношении, был зафиксирован экспедициями Ленинградской консерватории в одной из локальных традиций Белозерского района Вологодской области, где он бытовал наряду с более распетыми формами. Возможно, сопоставление этих образцов и поиск родственных вариантов группового причета на территории Белозерья в дальнейшем смогут дать интересные результаты.

Напевы причитаний рассматриваемого типа известны и в соседних традициях Ленинградской области, о чем можно судить по публикациям В. А. Лапина и М. А. Лобанова,

однако там они были представлены как образцы сольной исполнительской традиции [см.: 3; 7]. С учетом любытинского группового причитания может быть по-иному рассмотрена и слуховая нотация свадебного плача (см. пример 6), выполненная О. К. Соловьевой в 1945 году в деревне Григино Капшинского (ныне — Тихвинского) района и опубликованная в сборнике Ф. А. Рубцова «Народные песни Ленинградской области» [6]. Этот напев чрезвычайно близок любытинскому. Несмотря на то что он атрибутирован как причет невесты, по текстам и комментариям восстанавливается ситуация причетного диалога между невестой и подругами (см. фрагменты текстов на с. 61–62).

К оценке данных, зафиксированных в Любытинском районе, в перспективе следует приобщить и те, которые были выявлены в соседних Хвойнинском и Пестовском районах на северо-востоке Новгородчины, где в ходе экспедиций Ленинградской консерватории 1980-х годов велся целенаправленный опрос по свадебным групповым причитаниям. Были записаны отдельные поэтические тексты групповых причетов с комментария-

ми, осуществлено несколько попыток записи причитаний в ансамблевом исполнении, однако все они зафиксировали напевы с нестабильной структурой.

Подводя итоги, подчеркнем, что синхронный срез традиции позволяет увидеть причет как живой организм, дает возможность пронаблюдать сосуществование различных структурных форм причети, в том числе в певческой практике одной исполнительницы. Причитальщица осуществляет свой выбор среди этих форм, согласуя его с законами традиции, исходя из функции фольклорного текста, ситуативного контекста и опираясь на свое личное восприятие причетного напева.

Среди причетных форм, зафиксированных в Любытинском районе, особую роль играет скорая нецезурированная версия. Ее функцию в местной традиции можно уподобить матрице, которая представляет собой некую порождающую среду для формирования других структур. Их возникновение определялось двумя векторами развития причетных напевов. Первый связан с привнесением в декламационную форму причета цезурирования, что привело к возникновению той структуры, которая закрепилась в традиции как основной способ индивидуального плача. Второй вектор — это движение от декламирования текста к его песенному произнесению, благодаря чему сформировалась структура, наиболее адекватная коллективной форме оплакивания.

Возможен и обратный логический ход, дающий иное объяснение путей развития причетной композиции —

от цезурированной формы как одной из первичных структур, характеризующих спонтанное эмоционально окрашенное высказывание, к стабильной нецезурированной форме как некоему обобщению, итогу, формуле. Такие цезурированные формы широко представлены в западно-русских — смоленских, тверских, псковских — традициях сольной причети подвижной структуры, где ведущей композиционной чертой причитаний является свободное цезурирование строк. Причем в этих традициях форма с мобильными параметрами структуры выступает не просто как основная, но и как единственно возможная для индивидуального исполнения, а стабильные структуры зафиксированы лишь в тех регионах, где сформировался жанр групповых причитаний, к примеру, в ряде псковских традиций. Восточно-новгородский материал и, в частности, любытинские плачи, на наш взгляд, следует рассматривать в другой системе координат, поскольку здесь две различные формы сольного причета существуют как равноправные модели в системе одной традиции. Кроме того, в восточно-новгородской зоне цезурированная форма отличается принципиальной устойчивостью: для нее характерны нормативность слогового состава и стабилизация местоположения цезуры. Вместе с тем цезурированный напев в сознании исполнителей тесно связан с нецезурированной моделью как с формулой, которая воспринимается ими в качестве основы плача, что практически всегда находит отражение в пересказах поэтических текстов причитаний.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Банин А. А., Вадакария А. П., Жекулина В. И. Музыкально-поэтический фольклор Новгородской области. Новгород, 1983. 188 с.
- 2) Банин А. А., Вадакария А. П., Жекулина В. И. Свадебные песни Новгородской области. Л., 1974. 89 с.
- 3) Музыкально-песенный фольклор Ленинградской области в записях 1970–1980 гг. Вып. 1 / Ред.-сост. В. А. Лапин. Л., 1987. 104 с.
- 4) Ефименкова Б. Б. Русские причитания стабильной структуры с цезурированными напевами // Традиционное народное музыкальное искусство восточных славян (вопросы типологии): Сб. трудов ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 91. М., 1987. С. 88–107.
- 5) Королькова И. В. Свадебные групповые причитания в локальных традициях западных районов Новгородской области // Вопросы этномузыкального наследия. 2013. № 3 (4). С. 59–67.
- 6) Рубцов Ф. А. Народные песни Ленинградской области. М., 1958. 226 с.
- 7) Сто русских народных песен: Материалы студенческих фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории / Под общ. ред. Ф. В. Соколова. Л., 1970. 96 с.
- 8) Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963–1976 гг.). Песни. Причитания / Изд. подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л., 1979. 349 с.